

«ГЛАЗАМИ ВЧК-ОГПУ-НКВД»

Новые находки в архиве госбезопасности

Владимир Виноградов

История

ВЧЕРА В министерстве безопасности России были представлены архивные документы, относящиеся к жизни и деятельности писателя и драматурга Михаила Афанасьевича Булгакова.

В средствах массовой информации неоднократно сообщалось о сенсационных находках на Лубянке произведений репрессированной в годы сталинщины отечественной литературы. В их числе была машинописная копия дневника М.А.Булгакова, переданная в 1989 году в Центральный (ныне Российский) госархив литературы и искусства в Москве. Теперь в архиве обнаружена фотокопия рукописи этого документа, по-видимому, изготовленная в ОГПУ перед возвращением дневника писателю. Так как при перепечатке отдельные слова из его текста не были расшифрованы, то факсимильная копия подлинника позволит исследователям-литературоведам восполнить этот существенный пробел.

В числе новых материалов выявлены подлинники и копии писем и заявлений М.А.Булгакова, а также написанные им во время вызова в ОГПУ в 1926 году собственноручные показания, в которых автор говорит о своем писательском кредо и уточняет некоторые данные из биографии. Здесь имеется ряд писем, направлявшихся в адрес М.А.Булгакова от родственников, издателей, литераторов и других граждан, в том числе и из-за рубежа, позволяющих дополнить

сведения о его творческой деятельности.

Пожалуй, впервые архивисты Центрального архива МБ РФ рассекретили в полном объеме, опустив сведения о конфиденциальных источниках, оперативные документы, которые имелись в материалах секретно-политического и информационного отделов ОГПУ-НКВД. Среди них агентурно-осведомительные сводки и записки, позволяющие проследить сложный творческий путь М.А.Булгакова в условиях советской действительности, его политические взгляды, реагирование литературной среды на произведения и его работу в театрах, а также восстановить адреса и другие подробности о проживании Михаила Афанасьевича в столице.

Автографы М.А.Булгакова и другие раритеты, относящиеся к писателю, безусловно, являются важным культурным наследием России.

Каких-либо рукописей литературных произведений в ходе поиска не было обнаружено, но

архивные данные позволили установить авторство двух фельетонов, опубликованных М.А.Булгаковым в 1926 году в газете «Гудок» под псевдонимами.

Обработка выявленных материалов по М.А.Булгакову совпала с очень своевременным для нас обращением «Независимой газеты», редакция которой запланировала ведение новой рубрики под названием «Деятели литературы и искусства глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД». С помощью научного консультанта газеты, исследователя творчества писателя, удалось определить, что фельетон под названием «Микробы» не был известен как принадлежавший перу М.А.Булгакова. Об авторстве М.А.Булгакова свидетельствует в прошлом совершенно секретная сводка ИНФО ОГПУ № 3.282 от 18 февраля 1927 года, подготовленная по издательству «Гудок».

Обе газетные вырезки из «Гудка» с указанными публикациями были аккуратно приложены к сводке оперативниками ОГПУ.

Сов. секретно

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СВЕДЕНИЯ

Издательство «Гудок»

Документ

До осени прошлого года Булгаков работал в «Гудке» в качестве литературного сотрудника, и псевдонимом его был «Михаил». (Фельетон «Колесо судьбы» от 3 августа.)

Последний фельетон Булгакова был помещен в номере 260 от 10-го ноября 26 г. под заглавием «Микробы» и подписан псевдонимом «Рабкор Окт.дор.»

За каждый фельетон он получал по 25 рублей.

В отделах «Библиография» и «Театр и музыка» Булгаков не сотрудничал.

Приложение: два фельетона Булгакова.

18/02—1927 года.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Микробы

Михаил Булгаков

Архив

24 числа. Это число мне памятно, ибо сего числа дочь моя заболела неизвестной и таинственной болезнью с жаром...

26 числа ...каковая оказалась scarlatinной. Доктор заявил мне, что дочь мою необходимо срочно отправить с нашей станции на ту станцию, где имеется больница. А про меня сказал таким образом:

— Вы теперь разносчик заразы. Зараза сидит даже в вашем пальто.

27 числа. С утра сегодня отправился разносить заразу. Первым делом — в приемный покой (за бюллетенем). Там полтыты висят, и я к ним присовокупил свое. Седухин, знакомый, спрашивает:

— Что это у тебя по воротнику как будто клоп ползет?

Я говорю:

— Какой там клоп, это — микроб.

— Вот здоровенный! — говорит Седухин. — Такой любого младенца может загрызть.

— Микроб — что надо! — говорю.

Выправив бюллетень, решил навестить канцелярию (сказать номер бюллетеня).

Канторщице подарил пару микробов (у нее — восьмилетняя дочь), которые покрупнее.

Только что собрался уходить — догоняет меня Шапки и говорит, что Кузев голову потерял (Кузев меня замещает по поводу scarlatinны). Оказывается, попались ему отправки с такой трудной таксировки, что он сидит и плачет над ними.

— Я, — говорю, — не один, я с микробами...

— Черт с ними, — говорит Шапки, — иди, выручай Кузеева!

Пошел и дружески помог Кузееву. Теперь и по Кузееву микробы ползают.

За ним пошел искать санитарный вагон. Но он пропал. И вот каким способом. После ремонта в Ленинграде он выехал по направлению к нашей станции Спирово (от нее до Ленинграда верст 350) и едет шестые сутки, а когда доедет — неизвестно.

Тогда я, измазав по дороге scarlatinной все, что умел, пошел к врачу. Тот отдал распоряжение дать вагон 4 класса для перевозки больных...

28 числа ...каковой мы нагнали scarlatinной и тронулись. При вагоне проводника не было, и я сам себя назначил проводником со временным исполнением обязанности истопника. Так как никаких надписей на вагоне о том, что он с заразой, не сделали, то я выполнил свои обязанности. Блестяще. Было 15 остановок, и на каждой из них с веселым шумом в вагон входили школьники. Я с

ними объяснялся, выпирая их из вагона, и многие цветы жизни ушли, усеянные микробами.

Кроме того, на одной из станций меня матом обложили за то, что я развожу scarlatinу не в специальном вагоне.

— Я бы с удовольствием развозил ее в специальном, только его нету, — говорю я.

В десять утра мы прибыли в больницу, где я любовался, как сиделка моет стаканы над ванной и подметает пол сухой щеткой, а затем почувствовал голод и жажду, сдал своего младенца в руки медицины и двинулся снабжать scarlatinной чайную ЕПО.

Три часа в ожидании поезда я провел в чайной, заражая стаканы, блюдечки, стены, полы, потолки, чайники, соседи и граждан общественного питания, подающих кипятков. Напившись и заразившись, почувствовал скуку и, за неимением кинематографа, отправился смотреть, как дезинфицируют вагон, в котором я приволок scarlatinу.

Но этого зрелища я был лишен, так как оказалось, что дезинфектор провалился сквозь землю, и дежурный решил отправить вагон обратно ко мне на станцию, чтобы там его продезинфицировать всласть.

Поскучав еще немного, я сел в поезд и, чувствуя свой долг выполненным, отбыл к себе домой.

Рабкор Окт. дор.